
РЕЦЕНЗИИ

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S1605788024060118

Михаил Безродный. Опыт комментария к «Пиковой даме».
Frankfurt am Main: Esterum Publishing; СПб.: Чистый лист, 2023. 400 с.
ISBN 978-3-910894-02-0

[Review:] Mikhail Bezrodny. An Essay in the Commentary on “The Queen of Spades”. Frankfurt am Main: Esterum Publishing; St. Petersburg: Chisty List Publ., 2023. 400 p. ISBN 978-3-910894-02-0. [In Russ.]

Так получилось, что эта работа оказалась последней для ее автора: Михаил Владимирович Безродный (16 февраля 1957, Ленинград — 18 ноября 2023, Гейдельберг) ушел из жизни, едва успев ее закончить. Книга эта во многих отношениях замечательна, но для тех, кто не так внимательно следил за творчеством М. Безродного, она может показаться несколько неожиданной. Широкой публике он, по-видимому, больше известен как остроумный и ни на кого не похожий сочинитель, блестящий мастер прозаического и поэтического центона — в этом жанре, так бурно расцветшем в наше время (и так для нашего времени характерном, несмотря на брюзжание моралистов), Безродный, можно сказать, не имел себе равных. Прославила его уже первая книга, «Конец цитаты» (1996), получившая сразу несколько премий и восторженные отзывы критиков; за ней последовали «Пиши пропало» (2003) и «Короб третий» (2019), эту славу упрочившие. Раз прочитав, невозможно забыть и его короткие отточенные реплики (наподобие «мысль изложенная есть речь» или «родина-мама мыла раму картины мира»), и более длинные тексты, написанные на грани между пародией, каламбуром и серьезным (как правило, едким и печальным одновременно) высказыванием. Например, такой:

Среди пиров, в собрании кутил
Родной страны я вспоминаю вымя:
Его сосцы я страстно теребил,
Хотя нередко находил пустыми.

И если мне похмелье тяжело,
Я никого не требую к ответу —
Не потому, что это запахло,
А потому, что виноватых нету.

Или такой:

теперь так мало греков в ленинграде
что мы сломали греческую церковь
не подпалить ли также синагогу
дабы любимый город спал спокойно
ни эллина тебе ни иудея

Кажется, комментарии эти тексты не требуют — но сколько-нибудь начитанному собеседнику сразу видно, что в них сконцентрирована и иронически переплавлена практически вся русская литература XX века, от Анненского до Бродского. В книгах Безродного, очень смешных и трагичных одновременно, преобладающей интонацией остается сарказм, но вместе с тем у читающего их странным образом возникает стойкое ощущение, что их автор — человек добрый. И при этом чрезвычайно внимательный к мелочам. Оба эти свойства окажутся важными и для книги, которая сейчас перед нами.

Дело в том, что, конечно, центон — это прежде всего развлечение филолога: в чьей памяти естественным образом сосуществует и взаимодействует столько разных текстов? Михаил Безродный и был самым настоящим профессиональным филологом — это совершенно не удивительно, но не всем его поклонникам хорошо известно. Родившись в Ленинграде, он несколько лет учился, конечно же, в Тартуском университете (наша книга открывается посвящением «памяти Юрмиха»), где позднее, уже в 1990 г., даже защитил диссертацию о поэтике Блока (под руководством З.Г. Минца). Но на следующий год он эмигрирует в Германию, где и останется до конца жизни; сменив целый ряд мест работы, с 2003 г. он бессменно преподавал в Институте славистики Гейдельбергского университета. Как филологу и специалисту по истории русской литературы,

Безродному принадлежит множество профессиональных и подробных исследований о русских поэтах и писателях XIX и XX века, но, что наиболее существенно — в его жизни большое место занимало преподавание русского языка и литературы (о мире европейских славистов, который он хорошо знал и неотъемлемой частью которого был и сам, он, конечно, много писал и в своих художественных текстах, в присущей ему манере). Однако рецензируемая книга предельно серьезна, и в ней Безродный обобщает именно свой многолетний опыт преподавателя, привыкшего работать с аудиторией, для которой русский язык не родной, а классическая русская культура — предмет экзотический. К «прозрачному» и, казалось бы, так хорошо знакомому тексту «Пиковой дамы» автор подходит как к тексту изначально непонятному и сложному, требующему комментариев практически к каждому слову. И эта установка оказывается чрезвычайно плодотворной.

Книга обращает на себя внимание уже начиная с обложки. Что бывает не так часто с научными книгами, она очень красива и решена эстетически необычно. Переплет книги твердый, но приятный на ощупь, глубокого зеленого цвета (не сукно ли карточного стола?), изящные матовые буквы названия отчеркнуты скромной двойной золотой полоской. Очень белая плотная бумага, большие поля, прекрасная верстка с большим числом хорошо читающихся постраничных сносок со ссылками на литературу. На каждой странице — бледно-серым с легким бежевым оттенком — врезки с фрагментами пушкинского текста (причем приводится факсимиле последнего прижизненного издания), и под ними — авторский комментарий в обычном формате. Фрагмент во врезке сверстан уже основного текста книги (т.е. текста авторского комментария), при этом комментируемое у Пушкина место набрано ярко, а его контекст — более бледно, но хорошо различимо. Нумерации комментариев нет, но на странице их оказывается немного, так что ссылка на страницу книги легко позволяет найти нужный. Все вместе удобно для чтения, понятно и носителю языка, и иностранцу, ненавязчиво элегантно, глубоко продумано — и безусловно достойно пушкинского шедевра.

Многозначителен и подбор иллюстраций. Собственно, их только две: тициановская «Венера перед зеркалом» и, на обороте, «Аллегория бренности» Строщи из Пушкинского музея; кроме них, на развороте, лицом друг к другу, два наброска: пушкинский профиль на титуле первого издания «Пиковой дамы» и шаржированный курчавый

профиль автора (рисунок был в свое время выполнен Ю. М. Лотманом), на титуле с надписью «Гейдельберг». Нет и долгих предисловий — да и вообще почти никаких, только длинный (больше двадцати фамилий) список благодарностей друзьям и коллегам.

Кратких предварительных замечаний от автора тоже два. Первое проясняет главного адресата книги — студентов-славистов. Иностранные студенты видят русский текст как бы извне — но и для современного носителя русского языка текст почти двухсотлетней давности не так уж понятен: многие реалии забыты, многие выражения настолько необычны, что требуют толкования и перевода. Так что читатель у этой книги может быть любой, и самый широкий; практически, это просто любой человек, который хочет понять Пушкина.

Во втором предварительном замечании, помимо отсылки к первым изданиям «Пиковой дамы» и справке о переводах цитат, формулируется основная задача авторского комментария: «воссоздать фон, на котором воспринимали повесть первые ее читатели: фон реально-исторический, лексико-фразеологический, жанрово-стилевой и мотивно-сюжетный». Другими словами, автор рассматривает свой комментарий как инструмент для того, чтобы превратить филолога-слависта (или просто читателя) в пушкинского современника, дать ему возможность погрузиться в легенду XVIII века, рассказанную с живыми, зримыми подробностями. При этом не только увидеть — говорит автор в предварительном замечании — но и, так сказать, *услышать* текст Пушкина: во-первых, осознав самые новые, только что вошедшие в то время в обиход галлицизмы («предполагается, что они — в отличие от усвоенных прежде — опознавались или могли опознаваться как заимствования теми из читателей, кто владел русским и французским неодинаково, либо, будучи билингом, сохранял способность к межъязыковой рефлексии»). А во-вторых — пишет автор там же — наблюдая за ритмикой и звукописью (фоникой) пушкинского текста как «прозы поэта». Конечно, Михаил Безродный, сам будучи тонким поэтом, лучше многих понимает, как соткан текст «Пиковой дамы», и его комментарий как бы расплетает эти невидимые нити.

Главная нить — это то, что можно было бы назвать историей петербургской повседневности конца XVIII — начала XIX в., в мир которой читатель, ведомый автором комментария, вступает с самых первых пушкинских строк: *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова*. Почему

в карты? Почему у конногвардейца? Кто такой конногвардеец? — и т.д. Понимая, что тут нужны подробности, автор разъясняет: «В 1830 году три четверти населения Петербурга составляли лица мужского пола, и каждый пятый был военным; служебный же путь офицера устилали карты <...>» (с. 18). Степень исторической подробности и точности очень характерна для книги в целом: достаточно сказать, что на с. 133 в дополнение к разъяснению слова *жалование* приводится таблица годовых окладов IV–VIII классов Табели о рангах. Понятно, что непременно отмечаются и объясняются историзмы — *девичья*, *челядь* (с. 111), *сени* — как помещение между крыльцом и передней (с. 178). Это можно ожидать от любого комментатора. Но вот еще о сенях — в связи с фрагментом *Герман* <...> *взошел в ярко освещенные сени* (с. 190): «Сказанное не противоречит тому, что *Окна померкли*: <...> прислуга потушила <...> свет не во всем доме, а только в парадных комнатах бельэтажа, окна которых видны с улицы. Окна же нижнего этажа <...> в том числе окна *сений* — могли выходить во двор <...>» И далее: «Могли ли читатели ПД вообразить *ярко освещенные* сени вовсе лишенными окон? Вряд ли: сени нуждались в хорошей вентиляции: здесь нередко находилась топочная камера печи».

Математическая точность этого рассуждения завораживает. Оно возникает из замеченного автором противоречия между *ярко освещенные сени* и *окна померкли* — и ему требуется бесспорное доказательство того, что Пушкин не ошибся, а имел перед глазами определенную картину, которую надлежит реконструировать и передать читателю.

Конечно, в книге есть и множество (вполне ожидаемых в этом жанре) текстологических комментариев — например, замеченных расхождений между двумя первыми изданиями, как на с. 115 о фрагменте <Она сопровождала Княгиню на ее прогулках и> *отвечала погоду* и за мостовую: перед словом *погоду* ошибочно пропущен (имевшийся в первом издании ПД) предлог *за*. Также свое законное место занимают принятые в комментариях к литературной классике филологические наблюдения интертекстуального и семиотического плана: ср., например, на с. 178: «Нерадивость (из-за беспечности либо продажности) сторожа — стандартная в любовном сюжете мотивировка отсутствия препятствий к свиданию» или на с. 203 (о фрагменте: *Герман стоял, прислонясь к холодной печке*): «Образ холодной печки эмблематичен: герой всецело контролирует свои *сильные страсти* и *огненное воображение*». Вместе с тем, не вполне стандартным образом, аргументом

в литературоведческом рассуждении вдруг оказываются и сугубо лингвистические наблюдения: в этом отношении нам кажутся очень показательными два комментария на одну и ту же тему — о сходстве графини с карточной дамой пик. Более привычный литературоведческий комментарий выглядит так: «Будущее тождество графини и карточной дамы (“королевы”) готовится как упоминаниями о знакомстве графини с королевой Франции и с российской императрицей, так и перекличкой ее образа с обеими <...>» (с. 195). А вот собственно лингвистический: «Первое предложение абзаца — *Старая графиня *** сидела в своей уборной перед зеркалом* — построено по схеме ‘подлежащее — сказуемое — обстоятельство места’, последнее предложение — *у окошка сидела за пальцами барышня, ее воспитанница* — по схеме ‘обстоятельство места — сказуемое — подлежащее’. Портреты героинь, благодаря этому синтаксическому хиазму, а также их взаимоположению в абзаце, напоминают верхнее и перевернутое нижнее изображения одной и той же карточной полуфигуры» (с. 77). И как бы для полноты разнообразия типов замечаний, лингвистический комментарий тут же дополняется исторической (нить истории повседневности!) сноской о том, что такой дизайн карт (т.е. изображения полуфигур) использовался как минимум с начала XVII в. — потому что действительно, откуда мы знаем, что игральные карты во времена графини выглядели так, а не иначе? А ведь если бы они выглядели иначе, то все литературоведческие и лингвистические рассуждения могли бы оказаться несостоятельными.

А вот другой, важнейший фрагмент «Пиковой дамы» — начало, породившее в свое время столько споров: то самое *Однажды играли...* Полемика вокруг интерпретации этого фрагмента подробно обсуждается на с. 20–22: «Отмечалось, что фраза *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова* несколько “режет слух”» (эта формулировка принадлежит Е.В. Падучевой): как полагал еще В.В. Виноградов (на интуицию которого опирается Падучева), «выдвинутая к началу глагольная форма» заставляет «рассматривать рассказчика как участника событий». Однако далее указывается и на существование другого мнения (восходящего, видимо, к С.М. Шварцбанд и поддержанного рядом более поздних исследователей), согласно которому зачин повести является прямым продолжением текста эпиграфа: *А в ненастные дни собирались они часто; гнули — Бог их прости! — от пятидесяти на сто, и выигрывали, и отписывали мелом. Так в ненастные дни занимались они делом. Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова*. Таким образом, «предмет

сообщения» первой фразы (в лингвистических терминах, рема) — то, где происходила игра, а не то, **чем** занимались гости Нарумова, и синтаксис ее становится естественным. Именно эту трактовку безоговорочно принимает автор, основываясь прежде всего на лингвистических аргументах о соотношении информационной структуры и порядка слов в русском языке. Но тут же (как и всегда) он дает другой пример такого же перехода от эпиграфа к тексту — как доказательство распространенности приема и релевантности выбранного аргумента.

Лингвистическая нить и в целом пронизывает, прошивает комментарии Михаила Безродного ярко и значимо — тому много примеров. Остановимся подробнее на кальках.

Современному носителю не так просто оценить степень погруженности светского круга Петербурга во французский дискурс, отраженную в классических текстах. С нашей сегодняшней точки зрения эти французские элементы часто кажутся уже полностью растворенными в русском языке, так что нужно какое-то специальное лингвистическое чутье, чтобы почувствовать этот «французский след», ср. отмеченные комментатором (как правило, со ссылками на аналогичные примеры у других авторов, чтобы подтвердить употребительность данного выражения) *холодный эгоизм*; *оканчивать свой туалет* ‘заканчивать приводить себя в порядок’; *верить на слово* (<*sur parole*>) ‘доверять, не требуя доказательств и гарантий’, и др. под. В особенности интересны замечания по поводу калькирования разговорных формул, организующих дискурс, которые, как известно, первыми вступают в игру при серьезном контактном влиянии другого языка: ср. *сказать нет* (<*dire non*>) ‘ответить отказом’; *вот и всё* (<*tout*>) (<*voilà tout*>) ‘и говорить больше не о чем’ (обычно в конце возражения); *как? что?* (<*comment? quoi?*>) — восклицание, выражающее негодование, испуг или недоумение от случившегося.

Знакомство с собственными сочинениями Михаила Безродного не позволяет сомневаться в том, что внимание к словам и языку в целом возникает в его комментариях не как прикладная задача обучения славистов, а как природное свойство самого автора. Это прежде всего его самого занимает, что *об его* почему-то превратилось в *о его*, *воротиться* — в *вернуться*, *чудный* — в *чудесный*, а

важно в старом смысле вовсе исчезло и должно специально переводиться как ‘с достоинством’, и что *затрепетал* в современном русском почти потеряло свойственную ему в начале XIX века метафору и теперь в основном описывает реющий флаг, тогда как у Пушкина — то, что Германа (мужчину, офицера! — в таком контексте *затрепетал* сейчас решительно невозможно) охватило сильное волнение. Среди такого рода комментариев у Безродного есть лингвистически удивительно тонкие — например, то, что *столовые часы* (всякий бы подумал, что это просто ‘часы в столовой’!) означают ‘настольные’, выражение *мог располагать большими деньгами* — ‘возможно, имел в своем распоряжении большие деньги’ — а не, как можно было бы решить, ‘имел возможность потратить много денег’ (в современных лингвистических терминах, здесь им замечен диахронический переход от динамической модальности к эпистемической), а *раскрой-ка первый том* — не ‘первый том некоторого собрания сочинений’ (как представляет себе сегодняшний читатель), а, как определяет комментатор, ‘любую (первую попавшуюся) из книг’. И конечно, как поэт и исследователь поэзии Безродный всегда слышит и отмечает особую лингвистическую ипостась текста: музыку, фонiku и метрику пушкинского стиха и прозы. Вот что он пишет в комментарии к *Она описала ему самыми черными красками варварство мужа* (с. 53):

«Сочетание речевых клише: *sous les couleurs les plus noires* + *la barbarie de son mari*, оказавшихся семи- и восьмисложником (тут сноска 142: или двумя восьмисложниками, если e-muet в *noires* произносить), калькировано пятистопным дактилем: *самыми черными красками варварство мужа*».

Что можно сказать в заключение? «Опыт комментария к “Пиковой даме”», последняя и прощальная книга Михаила Безродного, вобрала в себя самые разные его профессиональные ипостаси, в числе которых внимательный историк, широко образованный филолог и литературовед, замечательно тонкий знаток слова и остроумный лингвист — но при этом, как видно почти на каждой странице, прежде всего поэт. Наверное, таким и должен быть комментатор Пушкина. Книга осталась как пространное письмо близким — по духу и кругу чтения. Письмо, которое хочется перечитывать.

В.А. Плунгян
Доктор филологических наук, академик РАН,
заведующий сектором типологии Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1,
главный научный сотрудник, заместитель директора
Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
plungian@gmail.com

Е.В. Рахилина
Доктор филологических наук,
руководитель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
ведущий научный сотрудник Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
rakhilina@gmail.com.

Vladimir A. Plungyan
Doct. Sci. (Philol.),
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Typology Sector of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, 125009, Moscow, Bolshoy Kislovsky Lane, 1 p. 1,
Head Researcher, Deputy Director
of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
plungian@gmail.com

Ekaterina V. Rakhilina
Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Faculty of Humanities, School of Linguistics,
National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia,
Leading Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
rakhilina@gmail.com

Для цитирования: Плунгян В.А., Рахилина Е.В. (рец.) Михаил Безродный. Опыт комментария к «Пиковой даме». Frankfurt am Main: Esterum Publishing; СПб.: Чистый лист, 2023. 400 с. ISBN 978-3-910894-02-0 // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 6. С. 128–132. DOI: 10.31857/S1605788024060118

For citation: Plungyan, V.A., Rakhilina, E.V. (Rev.) Mikhail Bezrodny. *Opyt kommentariya k “Pikovoj dame”*. Frankfurt am Main: Esterum Publishing; SPb.: Chistyj list, 2023. 400 s. ISBN 978-3-910894-02-0 [[Review:] Mikhail Bezrodny. An Essay in the Commentary on “The Queen of Spades”. Frankfurt am Main: Esterum Publishing; St. Petersburg: Chisty List Publ., 2023. 400 p. ISBN 978-3-910894-02-0. [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 6, pp. 128–132 (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024060118

Дата поступления материала в редакцию: 24 августа 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 9 сентября 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2024 г.
Дата публикации: 31 декабря 2024 г.

Received by Editor on August 24, 2024
Revised on September 9, 2024
Accepted on October 15, 2024
Date of publication: December 31, 2024